

МАША
ЛОВЫГИНА

Манго
**РАЗБИТЫХ
СЕРДЕЦ**

Маша Ловыгина

Танго разбитых сердец

<https://litres.ru/74210768>

Аннотация

Он стал ее героем и любовью всей жизни. Она завладела его сердцем и подарила крылья. У них было слишком мало времени, чтобы узнать, понять и простить друг друга за то, что они не совершали... Кажется, теперь все в прошлом и будущего нет. Но для настоящей любви нет преград. И даже ненависть не способна унять бушующий в груди огонь.

Обложка от мастерской "Обложки и арты для книг. Ольга Бруснигина"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	76
Глава 12	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Пролог

- Вам веселую песню или грустную?
- Грустную.
- Хорошо, но предупреждаю, я разобью вам сердце.
- Оно уже разбито...
- «Острые козырьки»

Блошиный рынок шумел многоголосьем. И хоть не было еще девяти, вдоль рядов уже толпились жители близлежащих районов, подъезжали машины и кучно вставали вдоль обочины. Поговаривали, что здесь бывали даже известные люди: актеры, музыканты и просто богатенькие "бурадины": ради мейсенского фарфора или хрусталя, старых коллекционных пластинок, а то и в надежде разжиться какой-нибудь винтажной бижутерией. Чудаков много, что и говорить. Антиквариата мало, это да. Нынче даже глупых старушек – бывших фрейлин не осталось. Все знают, что почем.

Играла музыка, искрились снежинки, от всевозможной ерунды рябило в глазах. В воздухе пахло пирогами и шашлыком, которые продавались в вагончике в нескольких метрах от входа.

В животе заурчало, но Ульяна запретила себе даже думать о том, чтобы купить выпечку. Копейка рубль бережет, напомнила она мысленно. В сумке есть бутерброд с сыром и сладкий чай. Ничего, до обеда продержится. Рынок до двух,

но уже в час здесь практически никого не остается.

– А ты замужем? – спросила соседка справа – чудаковатая женщина за пятьдесят в сиреновом пальто с рыжим меховым воротником, толстом пуховом платке и в очках. Она торговала дисками, кассетами и книгами, а раньше, судя по ее словам, работала учительницей. Правда пахло от нее явно не "Красной Москвой".

– Уже нет, – на автомате ответила Ульяна, выставляя на столик меховых зверюшек.

У ее доченьки Рады их собралась уже целая коллекция: лиса, волк, медведь, пара зайцев – настоящий лесной теремок! И все равно она радовалась каждому новому питомцу, даром что они пока были далеки до совершенства. Но Ульяна старалась, постигала науку рукотворчества. Благо, Нина была терпелива в плане обучения. Вот у нее руки были золотые.

– Это плохо. Мужичок – не соломки пучок, – философски заметила ее соседка слева, Коко. – За свое надо вот так держаться! – Она выставила тощий кулак и потрясла им в воздухе.

– Много ты понимаешь в мужиках, – вздохнула учительница и, оттопырив мизинец, жახнула третью стопку, спрятала ее в карман и поставила старенький термос в сумку. Зажевав сухариком из пакета, покосилась на Ульяну. – Как же он тебя такую красивую отпустил-то?

– Я сама ушла, – быстро ответила Ульяна и тут же прику-

сила внутреннюю часть щеки. Вот ненормальная, зачем вообще рот открыла!

Рукавицей она стала сметать с игрушек снег, поглядывая на проходивших мимо покупателей.

– Да загулял поди, – хихикнула Коко. – И с голым задом выставил!

– Ой, ну и злыдня ты! – всплеснула руками учительница. – Сама вон тоже не на пуховых перинах сидишь, а туда же!

– Вообще-то я дизайнер. Просто у нас в стране моды нет, – хмыкнула та и продолжила развешивать китайские платья на кривоватый рейл.

– У нас и секса нет, а дети откуда-то берутся! – Учительница протянула пакет с сухариками. Ульяна покачала головой. – Меня Марь Ивановной зовут, а ее Кристиной. Коко – это потому, что она Шанель. В смысле, дизайнер. Ну, в смысле, никакая она не Шанель, и дизайнер из нее как из меня принцесса Диана, но шмотки покупают. Такие же модники, ха-ха! Она где бантик пришьет, а где, наоборот, отрежет. Чуйка есть.

– Эй, не выдавай промышленные секреты! – замахнулась на нее веником Коко.

– Ладно, не буду! А ты, значит, теперь вместо Збруевых будешь торговать?

– Пока да. Помогаю, – улыбнулась Ульяна и потерла ладонью замерзший нос. Затем набрала воздуха, как ее учила Нина, и громко крикнула: – Кому народное творчество! Иг-

рушки из натуральных материалов! Дерево, джут, холстина, лыко! А кому...

И тут она увидела среди толпы... Максима. Рядом с ним, перебирая тонюсенькими, совсем не зимними каблуками, шла длинноволосая девушка в роскошной длинной шубе, полы которой она с брезгливостью прижимала к себе.

– Ну, Максим, долго мы еще тут будем болтаться?

– Ты же сама хотела в люди, – хохотнул он, обнажив ровные зубы. – Вот, смотри, впитывай.

– Фу-фу-фу, я хочу в машинку! Я замерзла! Ой, подожди! Смотри, какой!.. – ткнула она в сторону Ульяны. – Как его... ну, который в доме живет? А его никто не видит!

– Водитель, охранник?

– Да не... Такой... который с сундуком. Про него еще мультик есть. Мне нянька в детстве показывала. Правда я не поняла ничего. Там кот еще был.

– Матроскин? – рассмеялся он и тут... увидел Ульяну.

– Чего? – девица уставилась на него и захлопала наращёнными ресницами.

Но Максим молчал. Взгляд его, только что смешливый, в мгновение заledenел. И она смотрела на него, не в силах двинуться и не слыша ничего вокруг.

– Домовенок Нафаня, – наконец хрипло произнес он.

– Точно! – захлопала в ладоши девица. – Купи-купи-купи!

Максим достал портмоне и бросил на столик две тысячные купюры.

– Я вот этого возьму! – вцепилась девица в щекастого старичка в соломенной шляпе.

– Сдачи не надо, – глядя Ульяне в глаза, произнес Максим, а затем потащил свою подружку сквозь человеческую толпу.

– Ой, всегда бы так! – всплеснула руками Марья Ивановна. – Ты чего стоишь-то как прибитая? Хватай денежки, а то улетят! Или сопрет кто, не успеешь очнуться! Вот это я понимаю, мужик! Не торгуясь! Прямо сладкий и гладкий! И симпатишный, да, Коко?

– Ага. Люблю таких!

– А они тебя любят?

Сквозь нарастающий гул в ушах Ульяна еще слышала шуточки торговков, но вдруг покачнулась и осела мимо стульчика прямо на снег.

Пять лет промелькнули перед ее глазами словно одна секунда. А потом свет померк...

Глава 1

Пусть говорят, что дружбы женской не бывает,
 Пускай болтают, но я-то знаю,
 Что мы с тобою ни на что не променяем
 Сердечной дружбы нам подаренной судьбой!

Л. Рубальская

Месяц назад

– Когда-нибудь он тебя убьет, Уля! – Оксана поджала губы и покачала головой, разглядывая ее лицо.

– Ну и пусть... Все лучше, чем так жить. – Ульяна усмехнулась, потрогала распухшую скулу подушечками пальцев и поморщилась. – Сама виновата. Ты ж знаешь, он когда выпьет, дурак дураком становится.

– Виновата?! Ты с ума сошла? А о Радке ты подумала? Ей скоро пять, ты что же, хочешь, чтобы она в этом дебильном семействе одна осталась? За что он тебя? В чем ты виновата?

– Да нет, я так, вообще... Влезла под горячую руку, – Ульяна сделала попытку подняться, но подруга заставила ее сесть обратно, положив ладони на плечи.

– погоди, дай обработаю. – Со вздохом она прижала ватный диск к горлышку антисептика, а затем осторожно нанесла жидкость на ранку. – Хорошо, хоть перелома нет и зашивать не придется. Но проходить долго будет. Господи, Улька, ты же такая красавица... была... Нет, и сейчас, конечно,

только знаешь...

– Я все знаю, Оксан! – отвела ее руку Ульяна. – Нет мне никакой радости от этой красоты. Лучше бы ее и не было. Лучше бы вместо нее у меня мозгов было побольше.

– Ну, мать, никто ж не думал, что из Мишки такой зверь вырастет. Ей-богу, медведь в лесу добрее. Совсем берегов не видит. А, – махнула она рукой, – чего от мужиков ждать. Нет денег – ты виновата, есть деньги – тоже, получается, виновата. Видела его вчера в Яхт-клубе, с друзьями. И с девицами. Все как на подбор с губищами, пельменями страшными.

– Тебя-то как туда занесло? – Ульяна забрала у нее ватку, встала и подошла к небольшому зеркалу.

– Вызвали. Там один столичный отдыхающий допился до белочки. Капельницу ставила. А твой гулевонил так, что люстры тряслись.

– Хоть бы какая из них ему на голову упала.

– И не говори. Слушай, Уль, я спросить хотела. То есть даже не спросить, а... Черт, ты пойми правильно, я о тебе беспокоюсь.

– Спрашивай! Я тебе все как на духу.

– Ты бы анализы сдала, мало ли... он со всякими спит, а ты...

– Все правильно ты говоришь, Оксан, вот пусть и спит с кем хочет.

– А ты с ним не...

– Посмотри на меня, подруженька, я вообще могу ко-

му-нибудь нравиться? И потом, пельмени у меня не выросли, и старовата я стала для Мишеньки. Он мне прямо так в лицо и говорит. А я радуюсь!

– Дура ты, Уля! На свою жизнь наплевать, так хоть о дочери подумай!

– Я думаю. Но не знаю, что делать. Куда деваться-то?

– А развестись? Вот ведь причина – прямо у тебя на лице! Разведись и бонусы за прожитые годы с него не забудь стряси!

Ульяна повернулась и пальцем по воздуху обвела свое лицо:

– Это мне уже кэшбек прилетел. За красивую жизнь. Скажи еще, что в нашем городе так не считают. А что касается развода, так не мне тебе объяснять, что уйти от Варяжского можно только ногами вперед. И то на дно. Потому как к ним гириями его поганые деньги привязаны. Ни один адвокат не возьмется меня в суде представлять. Просто не успеет.

– М-да... Угроздило тебя, конечно. Но ведь как любил, Уля! Мы же все тебе завидовали!

Ульяна выбросила ватку в мусорную корзину и сняла с вешалки полушубок.

– Пойду я, милая. Спасибо тебе.

– Постой!

Оксана подошла и взяла ее за руку. Ее круглое веснушчатое лицо под белой шапочкой покрылось нервным румянцем. Понизив голос до шепота, она сказала:

– Если ты решишься, я тебе помогу. Вы с матерью столько для меня сделали, вовек не расплатиться.

– Ты уже мне помогла, – ответила Ульяна.

– Ты не понимаешь. Рано или поздно он убьет тебя. Из-за всего... из-за Радки, из-за того, что ты...

– Молчи! – испуганно обернулась на дверь Ульяна. – Никто кроме тебя...

– Ох, Уля... А если он догадается, тогда что? Можешь не отвечать. Я на нее смотрю и вижу, как она похожа на... – Оксана потерла переносицу. – Это не жизнь. Я не представляю, как ты спишь, ешь... ты вообще ешь? Сколько ты вешишь? Кожа да кости остались!

– Это ловушка, из которой мне не выбраться.

– Послушай, я тебе помогу. Я тут размышляла кое о чем...

В дверь постучали, а затем внутрь просунулась мужская голова.

– Вы сегодня принимать будете или нет?

– А вы разве не видите, что у меня пациент в кабинете? – гаркнула Оксана.

– Извиняйте, – тут же убралась голова.

– В общем, братец мой звонил. Голос нормальный и сам ничего...

– Да ты что? И где он сейчас?

– Об этом потом. Короче, Уль, надо что-то решать, потому что дальше будет только хуже!

– Да понимаю я! Что делать, не знаю!

– В общем, есть у меня одна идея. Давай вечером встретимся, на набережной? Ты сможешь уйти?

– Наверное.

– Придумай что-нибудь. Раду с собой возьми. Поговорим спокойно о том, как быть. Хотя, что тут думать. Вчера он об тебя ноги вытер, сегодня лицо разбил, а завтра...

Дверь снова дернули.

– Да что же это такое! – возмутилась Оксана, хватаясь за ручку.

– Почему в коридоре очередь, Девятова? – ворвалась в кабинет высокая молодая женщина в приталенном белом халате и рыжим каре. – Ах, вон оно что... – она оглядела Ульяну и вскинула тонко выщипанные брови.

– Где там очередь? – выставила грудь Оксана.

– Посиделки устроили? Смотри, Девятова, выгоню!

– Сама в процедурном сядешь, да? Иди уже, Людмила... Петровна, по своим делам!

Людмила фыркнула и скривила губы:

– Поговори мне еще. Одна жалоба и вылетишь! На рынок торговать пойдешь! – процедила она и, хлопнув дверью, вышла.

– Вот ведь зараза! Из грязи в князи. Послал бог заведующую!

– Сама знаешь, не бог ее сюда посадил, – хмыкнула Ульяна.

– Вот то-то и оно... Она с твоим... Тьфу! Ладно, иди. Мы

с тобой договорились, да? Будем решать!

– Если бы это было так просто, Оксана! Он же меня все равно найдет, не спрячешься.

– Не найдет, если по уму все обставить.

– Любишь ты детективы. Читать, смотреть... Но в жизни все куда прозаичнее. Новые документы мне сделаешь? – улыбнулась Ульяна и тут же сморщилась от боли.

– Ой, что ты... куда мне. Но есть одна мысль. – Оксана нервно погрызла ноготь. – Я расскажу тебе, только не сейчас.

– Хорошо, – кивнула Ульяна, ткнулась губами в висок подруги и, натянув капюшон по самые брови, вышла из кабинета.

Оказавшись на улице, она несколько минут стояла у поликлиники и, ничего не видя, смотрела прямо перед собой. Глаза заволокло слезами, но они так и не пролились. Легкий морозец щипал щеки, но там, где горячо пульсировала все это время саднящая боль, стало чуть легче. Да и не та это была боль, чтобы страдать. Гораздо хуже обстояло дело с сердцем, с ее израненным и истрепанным сердцем, которое вот уже почти пять лет мучительно жаждало потерянной любви.

– Преданной любви, – застывшими губами прошептала Ульяна и зашагала к своему дому по скрипучему январскому снегу.

Слова Оксаны все еще крутились в ее голове, то окрыляя, то вновь с размаху ударяя о промерзлую землю. Не первый это у них разговор и не последний. Душу разве что от-

вести. Конечно, все ее единственная подруженька понимает, что вырваться из рук Варяжского нереально. Но только сама Ульяна знает, как она близка к тому, чтобы покончить со всем разом.

Не видать ей счастья, не судьба. Ни тогда, ни сейчас.

Может, было бы легче, если бы получилось вытравить из сердца Макса, но не получается. Будто кислота, воспоминания разъедают изнутри. Никаких сил нет терпеть. И ведь знает, что предал, а все равно задыхается от любви.

Дочь надо спасать, права Оксана. Муж звереет с каждым днем, того и гляди – со свету сживет. Хотел любящую да покорную, а получил холодную да злую. Не знает он, какой она может быть горячей...

Ульяна остановилась и жадно вдохнула холодный воздух. Нет, зря она опять растравляет воспоминания. Ничего бы не получилось у них с Максимом. А теперь, как говорится, поздно пить боржоми. Судьба и на печке найдет. Вот и ее нашла. А печка-то припекает... так припекает, что огнем всю душу выжгла.

Или это ненависть, и не разберешь...

Глава 2

Мой постылый муж на руке лежит,
 На руке лежит,
целовать велит.
 Целовать его мне не хочется,
 Мил
сердечный друг из ума нейдет...

Русская народная

Дом их стоял на Соборной горе, откуда открывался лучший вид на Волгу и окрестности. Ульяна поднималась по дорожке, которую расчищали каждый божий день с помощью снегоуборщиков нанятые мужем работники. Как говорится, живи да радуйся! Но радости не было, и неоткуда было ей взяться. Золотая клетка для певчей птички остается клеткой, это Ульяна понимала и раньше, и сейчас, задыхаясь от собственных душевных мук, она остановилась, глядя на огромную домину, темнеющую на фоне серо-голубого неба.

Один свет в окошке – дочь Рада. Права Оксана, во всем права! Что может вырасти из ребенка, когда вокруг все пропитано ненавистью и подозрениями? А еще похотью и вседозволенностью, благодаря Варяжскому. Нет, он, конечно, в главный дом своих баб не приводит, но, не стесняясь, развлекается с ними в гостевой избе. Ульяна не раз видела, как зажигаются в ночи окна и играет музыка. К Раде Михаил относился хорошо, тут ей нечего было предъявить. Но ведь сколько веревочке не виться, а конец будет... Она и сама с каждым днем все больше замечает сходство дочери с ее на-

стоящим отцом.

Подспудное желание, импульсивная вера и обман – вот что предшествовало рождению ее дочери. Может, скажи она раньше, что была близка с Максимом, и отказался бы от нее Варяжский. Но обида, которая в ней тогда клокотала, затмила разум. Это уж потом она поняла, как все вышло, когда увидела свою новорожденную дочь. Две макушки с вьющимися по спирали темными волосами, как у Максима Полевого, человека, которому она верила, как самой себе.

Впрочем, стоит ли доверять себе, когда не можешь взять собственную жизнь в руки и переступить этот животный страх разоблачения? Ульяна думала об этом дни и ночи, но правда была не в том, что она боялась за собственную жизнь. Она знала своего мужа, его жажду власти и мстительность. Официально Рада его дочь, и стоит только заикнуться о разводе, он тут же примет меры. Какие? Нетрудно догадаться. А учитывая, что часть имущества, о размерах которого Ульяна имеет лишь смутное представление, записана на нее, то остается лишь развести руками. Она сирота, после смерти матери у нее не осталось никого из близких, или она не знает об их существовании, а значит, и приткнуться не к кому. Впрочем, прилипнуть к кому-то даже из самых лучших побуждений Ульяна даже не планировала. Не умела и не хотела никого напрягать.

Мать ее была сложным человеком. Умная, волевая, она много лет преподавала в школе и требовала от Ульяны от-

личной учебы и послушания. Родила ее по российским меркам поздно, под сорок. От кого, неведомо. То ли от какого-то коллеги, то ли знакомого. Конечно, Ульяне хотелось узнать про отца, но для матери этот мужчина был лишь донором. Как она однажды обронила: красивым здоровым нищевродом. Она и сама была симпатичной и, что называется, с огоньком. К тому же расчетливой. Любовники у нее водились всю сознательную жизнь, но, когда родилась Ульяна, им пришлось потесниться. Хотя, кажется, оставался кто-то, от кого ее мать принимала подарки и деньги. А потом и тот пропал.

Мать старела и теряла былую красоту, что приводило ее в бешеную ярость. Ей нужны были деньги на косметологов и хирургов. Она брала кредиты и ложилась под нож в надежде на вечную молодость. Но кредиты нужно было возвращать.

Она продала квартиру в областном центре и купила другую, гораздо меньше, зато в прекрасном волжском городке. Здесь было все для красивой тихой жизни: набережная, музеи, городской пляж, рестораны, кафе и гостиницы, куда круглый год приезжал столичный бомонд дабы насладиться русской провинцией, погулять вволю по склонам, порисовать на пленэре, уподобляясь прославленным живописцам, покататься на лодке и порыбачить, а заодно пуститься во все тяжкие без оглядки на папарацци. Зимой к услугам отдыхающих предлагалась лыжная база. Летом катера, прогулочные яхты и корабли шли по реке нескончаемым потоком. Живи

и радуйся! Были бы деньги.

Мать надеялась, что найдет себе какого-нибудь композитора или режиссера. Но им нужны были молодые голенастые девицы с огромным бюстом.

Когда на горизонте появился Миша Варяжский, она приняла этот факт как господне благословение. Пристроить в хорошие руки дочь стало для Анны Головиной самой важной жизненной задачей. И она с этим справилась.

А вот планы дочери она уже в расчет не брала. И вела себя так, словно не она все годы говорила, как важно иметь профессию.

Она была и хорошим человеком. Приютила Оксанку, чтобы та не маялась в общежитии. Та была детдомовкой, и мать задалась целью вылепить из нее приличную девушку: заставляла читать книги, научила одеваться и ходить на каблуках. Веселое было время. Оксана с ними и сюда переехала, устроилась на работу, получила служебную квартиру.

– Ну зачем тебе учиться и работать, глупенькая! – восклицала мать, обращаясь к Ульяне. – Посмотри на меня! Столько лет угробила на малолетних придурков! А все почему? Потому что мужика нормального не нашлось. Теперь-то уж заживем! Какая семья, господи! Мы с тобой просто в лотерею выиграли!

– Но я хочу учиться дальше! Поступить в медицинский!

– Колледжа хватит, – отрезала мать. – Все одно в поликлинике какой-нибудь работать придется. Это Оксанкин по-

толок, а ты у меня птица большого полета! Неужели думаешь, что Мише понравится, когда от тебя спиртом и всякой дрянью пахнуть будет?

Ульяна упиралась, но беременность выдалась непростая, так что пришлось забыть о поступлении. Она все еще надеялась, что через год исправит это, но мать оказалась права в одном: Варяжский был категорически против.

К теще Миша относился снисходительно. Она умела поддать себя и называла его сыночком. Ульяна знала, что та выклянчивала у него деньги, а потом сразу же неслась в клинику пластической хирургии или к косметологу. И вот однажды, во время операции по увеличению груди, попросту не вышла из наркоза.

Глупая смерть. Ульяна тогда еще кормила грудью, и это известие выбило у нее почву из-под ног. Сколько раз она просила, умоляла мать уговориться, но та ее не слушала. И больше того, морщила свой переделанный нос, кивая на сопящую Радугу, не понимая, зачем Ульяна портит свое тело.

После ее смерти оказалось, что квартира, в которой они жили, вовсе не была куплена. Анна снимала ее, скрывая от дочери этот факт. Вот и оказалась Ульяна и без матери, и без квартиры. Зато с ребенком на руках.

Хорошо, что мать не знала, от кого ее внучка. Страшно представить, чем бы это могло закончиться. Но теперь это не имело никакого значения. Все уже было неправильно. Абсолютно все.

Ульяна подошла к воротам, которые тут же открылись.

– Здравствуйте, Ульяна Николаевна, – поздоровался раб-
ботник.

Отчество, по ее словам, мать придумала, решив, что ее красавица-дочь вполне могла бы быть царской княжной.

Посмотрела бы она сейчас на ее лицо... А уж Николай Вто-
рой и подавно.

В доме Ульяна сразу же наткнулась на мужа. Тот был умыт, причесан и благоухал как садовая роза. Хотя образ жизни уже оставил следы на его лоснящейся физиономии.

– Привет! Ты где была? – как ни в чем не бывало спросил он.

– По делам ходила, – ответила она, снимая полушубок.

– И какие-такие это у тебя дела? Короче, завтра родители в гости приедут. И это... в общем, батя сказал, нам второй ребенок нужен.

– Чего?.. – замерла Ульяна.

– Ты глухая, что ли? Говорит, наследник нужен!

– Ему нужен, пусть и...

Она не успела договорить, как Варяжский подскочил, на-
виснув над ней, и замахнулся.

– Берега попутала?

Ульяна шархнулась и прижалась спиной к входной двери.

– В общем, будем ребенка делать, – отрезал он. – И чем скорее, тем лучше. Батю надо уважить. У него юбилей осе-
нью. У тебя там как, ну, в смысле готовности?

Ульяна с трудом сглотнула сухой ком и едва не сползла на пол.

– И это, извини, – хохотнул он, разглядывая ее лицо. – Не фиг было лезть! Ладно, замажешь. Скажешь, что об дверь стукнулась. А ночью вы, кошки, все одинаковы.

Глава 3

Такого кульбита судьбы Ульяна и в страшном сне представить не могла. Хотя стоило бы об этом задуматься, семья как-никак. Курам на смех. Смеяться, правда, опасно. Это нужно делать правильно и в подходящий момент. Например, когда мужу смешно. Вот только его чувство юмора с ее ну никак не совпадало. А что совпадало? Ни-че-го. Вот и получается, сама себе баба придумала, теперь развлекайся...

Да, умная мысль приходит опосля.

Она скинула обувь, аккуратно поставила сапоги в шкаф. Варяжский следил за ее действиями, а Ульяна старалась ничем не выдать своего отвращения. Ее подмывало сказать ему о том, что никаких детей с ним она делать не собирается. И никогда не собиралась. Однажды она попыталась донести до него эту мысль. Осторожно, намекая на то, что у него богатейший выбор. Что на самом деле она ему совершенно не подходит. Но он посмотрел на нее как на ненормальную и ледяным тоном произнес:

– А не много ли ты о себе возомнила? Жена – не любовница. Твое дело за домом и ребенком смотреть и мне угождать. Если бы не я, вы бы с матерью по миру пошли. То, что она дура, это уже не исправить, царствие ей небесное. Тебе все девки и бабы завидуют, а ты морду воротишь. С чего бы? Чем я тебе не угодил? На аркане замуж не тащил.

Ульяна вскинула голову и с ненавистью посмотрела ему в глаза:

– Ты знаешь, почему я вышла за тебя замуж!

– Я-то знаю. И ты не забывай. Все к своей Оксанке таскаешься? Сумку и карманы проверять не забывай.

– Прекрати!

– А чего это ты мне рот затыкаешь, а? Смелая стала или зубы лишние появились? Надо было ее тогда в полицию сдать за воровство! Только из-за тебя этого не сделал. А тебе все мало! Как сыр в масле катаешься, а все морду кривишь.

...Ульяна прошла мимо него на кухню и налила стакан ледяной воды из-под крана. Залпом выпила, закашлялась и утерла холодные губы.

– Чего молчишь? – не унимался Варяжский.

– Устала.

– Поглядите какая цаца! Устала она! Чай белье не руками стираешь и деньги не зарабатываешь, с чего тебе уставать-то?

– Ты же сам мне не даешь на работу выйти!

– А... вон че! Свободы захотела? Перед чужими мужиками задом трясти?

– На себя посмотри...

– Цыц, я сказал! Вот сына мне родишь и копеечку в дом принесешь! – заржал он. – Считай, государство тебе заплатит. И работать не придется!

– Мама! Мама! Ты пришла! – донесся до нее голос дочери,

а затем топоток по лестнице.

— А кто это у нас тут? — расплылся в приторной улыбке Варяжский. — А ну-ка иди сюда, маленькая принцесса! — он раскинул руки, но девочка поднырнула под ними и бросилась к матери.

— Солнышко мое! — Ульяна подняла ее на руки и прижала к груди.

— Ну все, засюсюкали, — усмехнулся Варяжский. — Да, кстати, Радку родители заберут на пару недель. Типа у нас медовый месяц. Пусть в городе с ними поживет. В цирк сходит, в зоопарк.

Ульяна скрипнула зубами. "Зоопарк у нас здесь, никуда и ездить не надо!"

Лихо они все придумали, не подкопаешься.

Свекровь Ульяну в упор не видела. Она была примером того, какой нужно было быть женой в этой семье. Сухая, с короткой стрижкой "пикси" и тонкими губами "скобкой", эта женщина смотрела мужу в рот и вздрагивала от каждого его резкого движения. Свекр же считал себя настолько важным, что даже по имени ее почти не называл. Дом этот он отдал сыну, а сам жил в огромной квартире в областном центре, но заявиться мог в любое время. И на Ульяну смотрел липкими глазами, стоило им остаться наедине. Любовницы были и у него, это она знала точно. Слышала как-то, как он по телефону с одной из них договаривался о встрече.

С ней свекровь вела себя надменно и скрипуче зудела о

том, как надо вести хозяйство и ухаживать за ее сыном. Фыркала, тыкая носом, что та бесприданница, словно сама была королевских кровей. Отыгрывалась за свою "красивую" жизнь.

А ведь с нее все и началось... если бы не эта двуличная "мадам" и тот случай с кольцом, то, может, и...

Этих "может" набралось столько, что теперь и не разгребешь. И, главное, поделиться не с кем. Оксанка не в счет, с ней Ульяна откровенна, но тоже до определенного момента. Вот уж несколько лет прошло, а все нет сил спросить у нее, зачем она украла то чертово кольцо, которое теперь постоянно красуется на пальце свекрови, напоминая о том дне.

– Ты голодная? Покормить тебя? – спросила Ульяна, приглаживая непокорные кудряшки дочери. По коже пошли мурашки, так ее волосы напоминали волосы Максима...

– Голодная! – кивнула Рада и засмеялась. – Хочу блины!

– Значит, будут блины! Поможешь мне?

– Да!

Варяжский наконец ушел. Из гостиной зазвучала громкая музыка. Ульяна достала молоко, подогрела его и, с помощью дочери, разбила яйца. Та требовала самостоятельности и училась обращаться с ножом. Вместе они выловили скорлупу, затем просеяли муку, угваздав весь стол. Ульяна улыбалась, но думала о своем...

В тот день, когда она узнала о том, что сделал Максим, случилась еще одна история. Плохая история. И все это вре-

мя, когда она виделась с Оксаной и смотрела ей в глаза, Ульяна никак не могла поверить, что та совершила столь гадкий поступок. Но она вступилась за нее, наобещала Мише всего, что он хочет, лишь бы делу не дали ход.

Тогда его родители еще жили в этом доме, и Оксана приходила к ним делать уколы его матери. Рука у Оксанки легкая, комар больнее кусает. Сама Ульяна в те дни ничего и никого не замечала, кроме Максима, и хоть времени им судьба подарила мало, а вспоминается все так, будто это были не дни, а годы. Годы огромного счастья и невыносимой муки...

– Улька, вставай! Побежали на набережную! – разбудила ее Оксана.

– Господи, ты чего в такую рань вскочила? – с трудом оторвала голову от подушки Ульяна.

– А я как услышала, что пароход причалил, сразу туда по-неслась!

– Зачем?

– А затем, что там такие парни, закачаешься! – взвизгнула Оксана. – Сборная по мотокроссу!

– Понятно, – Ульяна потянулась. – А мама где?

– Теть Аня в город уехала. Сказала, у нее там встреча. Ну, ты встаешь или нет? Опять вчера с Мишкой до полуночи гуляли?

– Ничего мне не говори! Пристал как банный лист! Вон, видишь, какой букетище приволок? – поморщилась Ульяна.

Розы были в ведре, куда их, по всей видимости, поставила мать. Не успела по вазам расставить. Их у нее штук десять, не меньше. Остались со школьных времен.

– Да уж! Теть Аня говорит, тыщ пять такой стоит. А то и больше!

– И что мне теперь с ними делать... – потерла глаза Ульяна.

– Любоваться! Господи, Улья, какие же мы с тобой молодцы, да? Дипломированные специалисты! У меня прям руки чешутся поскорее на работу выйти! А ты что решила?

– Я в институт, Ксю. Подаю документы, а там как получится. Если на очный – одно, если на заочный другое... Лишь бы на бюджет попасть. Но, если что, тоже пойду работать.

– Правильное решение, поддерживаю! Ну, что, побежали? Они в пансионате будут жить. И тренироваться. Неделю, вроде.

– Нас там только не хватало, – пожала плечами Ульяна.

– Блин, столичные парни, Уль! Надо им показать, что мы тоже не лыком шиты! Можно, я твою красную юбку надену?

– Можно.

– А ты белое платье! Ты в нем такая... такая... слов нет! И лентой волосы повяжи!

– Не выдумывай! Шорты и футболка в самый раз! Не на смотрины иду!

– Ага, значит, все-таки идешь? – хитро прищурилась Оксана.

– Иду-иду, все ради тебя! Чаю-то хоть можно выпить?

– Нужно! Ты одевайся, а я пока чайник поставлю!

– Смотри, я мешаю, мама! – Рада опустила руку с венчиком в кастрюлю по самый локоток и уже изрядно вымазалась в тесте.

– Мешай, мешай, моя хорошая...

Ульяна поставила на плиту сковороду и опять задумалась.

День тогда был такой замечательный, что она до сих пор помнила, как пахла пышная сирень. Не те розы в ведре, что подарил Миша Варяжский, а сирень на набережной – лилового оттенка с синими вкраплениями. Гроздья были просто огромными. И надо же было такому случиться, что цветок с пятью лепестками она нашла сразу, едва потянувшись к ветке. Не поверила, пригляделась, а потом быстро выдернула его из кисти и отправила в рот.

"Хочу влюбиться! – загадала она. – Чтобы один раз и на всю жизнь!"

Глава 4

– Мама, можно я буду наливать? Пожавуста! – Рада слезла со стула и стала толкать его к плите, упираясь грязными ладошками в сидение.

– Там огонь, – покачала головой Ульяна и придержала стул за спинку, но дочь упорно пыталась сдвинуть его с места.

– Давай ты поможешь мне на стол накрывать, хорошо? И, кстати, кто-то должен разложить варенье по тарелкам.

Рада тут же встрепенулась и прикусила пухлую нижнюю губу. Глаза стали такими хитрыми, что Ульяна не удержалась от смеха, а потом прижала ладонь к ноющей скуле.

– Тебе больно? – спросила Рада. – Дай подую! Я подую и сразу все пройдет!

– Подуй, – Ульяна присела на корточки, подставила лицо и закрыла глаза.

– Пф... пф... Я как ветерок, да?

– Да...

В новую квартиру они переехали в начале мая. Двухэтажный каменный домик стоял у подножия холма и теперь утопал в зелени. Поначалу известие о том, что они переезжают, застало Ульяну врасплох и вызвало лишь негативные эмоции. Мать не стала уговаривать, а просто предложила съез-

дить и посмотреть. До областного центра всего полчаса езды, автобусы и маршрутки курсируют с раннего утра и до позднего вечера. Туристический центр, который входит в Золотое Кольцо России, не какой-то там Задрипищинск!

Это произошло, как только Ульяне исполнилось восемнадцать. Она дала согласие на продажу, а дальше мать занялась квартирными делами сама.

Она оказалась права. Все вокруг дышало стариной и провинциальной пасторалью, но если приглядеться, то понимаешь, что все здесь было сделано для того, чтобы наслаждаться природой. Область не жалела средств на благоустройство набережной, городского пляжа и нескольких музеев. Гостевые дома, мини-отели, бани и торговые павильоны выглядели как старинные купеческие хоромы.

Две большие комнаты и кухня с балкончиком, с которого можно было любоваться Волгой. Вместо ванной – душевая кабина, вместо центрального отопления – колонка. Ну и что, главное, тепло и светло. И мебель здесь уже была. Они привезли только свои вещи и предметы интерьера – ковер, вазы, книги и посуду.

– Я подумала, зачем нам наши допотопные шкафы? – весело заявила мать. – Смотри, какая люстра! И рамы на окнах новые!

– Мам, как тебе удалось купить здесь квартиру? – спросила Ульяна. – Я в интернете видела объявления, так там такие цены, что...

– Повезло! – отмахнулась мать. – Ты же знаешь, я везучая! Вон какую красавицу родила! Заживем, Улечка! Здесь столько интересных людей бывает! Фестивали разные проводят, модные показы. И кино снимают! И, кстати, узнала, что у Варяжских... Это их дом на самой горе. Богатые люди, между прочим. Так их сын чуток постарше тебя и не женат!

– Мне эта информация зачем?

– А затем, что это твой шанс, доченька!

– Вот еще! А с работой как?

– Ой, – отмахнулась она. – Придумаем что-нибудь. Деньги пока есть. Если что, учеников возьму. Но, надеюсь, не придется, – усмехнулась мать.

– Я почему спрашиваю, – продолжила Ульяна, не замечая ее горящего взгляда, – вдруг не поступлю на бюджет? Надо будет работу искать, чтобы заработать на обучение. Ты же у меня скоро на пенсию выйдешь, и я хочу к тому времени встать на ноги.

– Не говори при мне о пенсии! – воскликнула мать. – Я что, выгляжу старухой? – она тут же кинулась к зеркалу и стала придирчиво рассматривать кожу вокруг глаз. Всю зиму мать проходила в темных очках, скрывая швы от блефаропластики.

– Ну что ты! Конечно, нет! Ты молодая красивая женщина!

С некоторых пор Ульяне приходилось подыгрывать ей, чтобы та не впадала в уныние.

– Я к тому, что городок маленький. Мне придется ездить на работу, если здесь ничего не найду.

– Всего полчаса! А в городе какие пробки? То на то и выходит. Все устроится, я в это верю! Что Оксана решила?

– Если ты не против, пусть она с нами пока поживет, ладно? Она ждет решения суда, что ее жилье не пригодно для проживания. И тогда ей дадут квартиру. В той, где она прописана, ее родители живут. Ну, пьют, ты же знаешь... Долгов вагон накопился.

– Своя жилплощадь, – вздохнула мать и отвернулась. – Пусть живет. Я к ней привыкла, да и спокойнее мне, когда вы вместе.

– Спасибо тебе огромное!

С Оксаной Девятовой Ульяна сдружилась во время практики. В детдом она попала вместе с братом, когда родителей лишили прав за систематическое пьянство и дебоши. Когда Оксана рассказывала о своем детстве, Ульяна не могла сдержать слез. Голодные и полураздетые, они с братом иногда не ели по несколько дней, если соседи что-нибудь не подкинут. Не брезговали лазить по помойкам рядом с общепитом. Брат был старше на три года, и когда у него появились дружки-приятели, стал подворовывать. В детдоме, конечно, тоже было не сахарно, зато чистая постель, одежда по сезону и еда.

В колледж Оксана поступала вне конкурса. Выглядела поначалу неуверенной и какой-то зашуганной. Но биологию и сочинение сдала на порядок лучше многих "домашних"

мальчиков и девочек. В общем, все сложилось у них с Ульяной в плане дружбы и взаимопомощи. Оксана приезжала к ней в гости, они занимались и тренировались друг на друге делать перевязки и массаж сердца. Мать Ульяны съездила в детдом и поговорила с директором, даже написала расписку, чтобы Оксана могла у них оставаться на ночь. Брат Оксаны к тому времени уже сидел в тюрьме...

С Мишей Варяжским она познакомилась вполне прозаично. Они с Оксаной пришли на автостанцию, которая находилась рядом с колокольней. Чуть выше по дороге находился шлагбаум, через который пропускали только тех, кто жил в городе. Остальным было запрещено, и туристы шли с горы пешком.

Михаил сидел за рулем иномарки. Заметив Ульяну и Оксану, посигналил.

– Это нам, что ли? – оглянулась Оксана.

– Привет! Садитесь, подвезу! – крикнул он.

– Спасибо, мы сами!

Он вышел и открыл дверь.

– Я свой, местный! – улыбнулся он.

Крепкий, сероглазый, хорошо одетый.

Девчонки переглянулись.

– Михаил Варяжский! – представился он.

– Поехали, Уль? Хоть с местным контингентом познакомимся? – предложила Оксана.

– Нет, – покачала головой Ульяна. – Спасибо огромное,

Михаил! Может, в другой раз!

А в другой раз к ним в квартиру пришел газовщик, чтобы проверить дымоход и почистить колонку.

– Варяжский прислал, – сказал он.

– Ого, – обрадовалась мать. – Сколько мы вам должны? – на всякий случай спросила она.

– Ничего не должны.

Потом они встретились в кафе. Городок ведь маленький. И как-то все чаще стал Миша Варяжский появляться на горизонте. Ульяна видела его интерес, но никаких обещаний не давала. Подумаешь, Варяжский! Букеты он ей просто пихал в руки, не обращая внимания на отказ.

– Выкину тогда, – хмуро смотрел на нее исподлобья.

Жалко было Ульяне цветов, вот и брала. И времени на прогулки с ним было жалко. Можно ведь потратить эти часы на занятия. Но мать каждый раз приглашала его в дом то чаю попить, то поболтать. Не обходилось без ругани потом.

– Дурочка, своего счастья не понимаешь!

Но Ульяна чувствовала, что Миша Варяжский совсем не тот, кто ей нужен. И хоть был он предупредителен и щедр, но это навязчивое внимание ее тяготило. И вроде симпатичный парень, к тому же уже закончил университет, а что-то не екало внутри. Оксанка же, наоборот, каждый букет и подарок воспринимала с восторгом. Ей, которая слаще морковки ничего не ела, казалось, что у нее на глазах разворачивается сюжет самой настоящей современной сказки...

Тарелка наполнилась блинчиками. Рада размазывала по тарелке смородиновое желе и рисовала рожицы. Ульяна смотрела на ее длинные темные ресницы и сосредоточенно сдвинутые бровки и видела Максима Полевого.

Тогда на набережной он посмотрел в их сторону, и сердце Ульяны пропустило удар, а затем с бешеной скоростью подскочило вверх, а она жадно вдохнула пахнувший сиренью воздух.

Стометровый четырехпалубный теплоход "Лев Толстой" стоял у причала. На набережной было много людей – местных и туристов, которые спускались по трапу.

– Через три часа уплывет, – Оксана дернула Ульяну за руку. – Красотища, да?

– Ага.

– Вот бы поплавать на таком!

На нижнюю палубу вышел мужчина и, перегнувшись через край борта, крикнул:

– Земцов, Полевой! Почему я вас вечно должен искать?!

Ульяна проследила за его взглядом и увидела вынырнувших из-за кустов двух парней. Один – светловолосый – закатил глаза и ткнул другого – с темными волосами – в плечо. Поставив два высоких рюкзака, они синхронно приложили руки козырьками ко лбу и посмотрели в сторону мужчины. На парнях были джинсы, высокие берцы и кожаные куртки.

– Жарища, – сказал темноволосый и, сплюнув, стащил с себя куртку. Под ней оказалась белая майка, которая облегла крепкое тело с рельефными мышцами.

– Мы здесь, тренер! – помахал светловолосый.

– А должны быть со всеми!

– Блин, как в третьем классе! – темноволосый огляделся и на мгновение задержал взгляд на стоявших неподалеку Ульяне и Оксане. Затем завязал рукава куртки вокруг талии, подхватил рюкзак и снова закинул его за спину.

– Вы где были? – подошел к ним тренер.

– Отбились от стаи. Хотели немного осмотреться, – буркнул темноволосый.

– Курили? – рявкнул тот.

– Дышали.

– Вечно с тобой проблемы, Полевой! Никакой дисциплины! Вот ты где у меня! – мужчина резанул ребром ладони по горлу. – Только из-за твоего отца тебя терплю!

– Уверены?

– Уверен, Полевой, уверен. Если в этот раз результат не покажешь, нам придется расстаться.

– Как-нибудь переживу.

– Все. Вперед! Пансионат прямо по курсу!

Оксана прихватила Ульяну за мизинец и прошептала:

– Какие, да? Мажорчики столичные...

Глава 5

Мать в тот день вернулась ближе к вечеру, позвонила с автостанции с просьбой ее встретить.

– Господи, мама, ты что, магазин ограбила?! – воскликнула Ульяна, рассматривая кучу свертков и пакетов.

– Это еще не все, – с загадочной улыбкой ответила та. – Вон, глянь! Тебе!

Ульяна обернулась и увидела прислоненный к стене новенький велосипед.

– Ты на автобусе приехала? – зачем-то уточнила она.

– Какая разница? Ты что, не рада? – притопнула мать.

– Мам, ты серьезно? Велосипед? Мне же не десять лет. Это мне тогда хотелось, а ты не разрешала.

– Потому что в городе на велосипеде страшно. Каждый день кого-нибудь сбивают! А здесь в самый раз!

Ульяна лишь покачала головой и спорить не стала. Глупое занятие – спорить с матерью. К тому же, действительно, почему бы и не да? По набережной прокатиться, в магазин сгонять или в пункт доставки. А еще можно рвануть по дороге вдоль сосновой рощи до первой деревни.

– Тратишь деньги на всякую ерунду, – пробурчала она, поглаживая новенький руль. – Сколько он стоит?

– Мечты должны сбываться, Улечка! – подмигнула, но не ответила на ее вопрос мать.

Поднялся шлагбаум, Ульяна заметила автомобиль Варяжского, медленно движущийся в сторону горы. Внутри шевельнулось подозрение, но рейсовый автобус стоял на площадке, и вокруг были только что прибывшие пассажиры.

– Ну что, пойдем потихоньку? – Мать вытерла выступившую на лбу испарину. – Как у тебя дела?

– Хорошо. Очень хорошо... – тихо ответила Ульяна, взяла у нее два пакета в одну руку, второй покатила велосипед к дому.

Она бы не смогла объяснить, почему вот уже несколько часов испытывает странное парящее чувство, словно все вокруг приобрело нежно-розовую окраску, а грудь переполнило каким-то необыкновенным предчувствием счастья. Никогда до этого Ульяна не ощущала ничего подобного. Немного закладывало уши, и, грешным делом, она было подумала, что простыла. Но нет, ничего не болело, только жаркие волны пробегали по коже, когда она вспоминала лицо парня с фамилией Полевой.

За одну секунду его взгляд пронзил ее насквозь, а ведь она даже толком рассмотреть его не успела! Подумаешь, руки-плечи-узкие бедра! Подумаешь, скулы-высокий лоб-упрямый вихор!..

Однако у нее буквально ноги подкосились и закружилась голова.

...– Оксана, пойдем отсюда! – едва слышно прошептала она тогда онемевшими губами, цепляясь за подругу.

Как можно было так смотреть, что она моментально почувствовала себя раздетой?! Даже рука непроизвольно поднялась к краю футболки, чтобы убедиться, что это не так.

Все было совсем по-другому, не так как с Варяжским. Его желание быть с ней давило, даже пугало, а здесь... будто все ее естество потянулось навстречу этому нахальному незнакомцу.

"Глупости... это просто жара! – уговаривала себя Ульяна. – Или и правда вирус..."

Но ни одна болезнь не несла в себе такого томления, которое поселилось у нее в груди и, кажется, не собиралось ее покидать. Или же она попросту не знала этого. Стоило бы взяться за учебники, чтобы подготовиться к экзаменам в Медицинский. То, что она окончила колледж, никаких особых поблажек для нее не дает. Но зато теперь она абсолютно уверена в своем желании быть врачом. Ну, и ЕГЭ сдавать не придется. Внутренние испытания, по словам знакомых студентов, сдать на порядок легче.

...Оксана ждала решения суда и переживала за свое бездействие. Сидеть на шее у чужих людей для нее было в тягость. Она постоянно говорила об этом, но за все домашние дела хваталась с такой настойчивостью, что Ульяна и ее мать махнули рукой.

– Зачем ты по два раза в день полы моешь? – в попытке отобрать швабру ругалась Ульяна.

– Не мешай! Пользы от меня никакой, одни расходы! –

отбивалась Оксана. – На работу мне надо выходить. Может, официанткой пока? Я в местную поликлинику сунулась, все места заняты. Даже уборщицей не берут, представляешь? То еще теплое место. Вот дадут жилье, я сразу съеду...

– А я не хочу, чтобы ты уезжала, понимаешь? – со слезами в голосе отвечала Ульяна. – Не представляю, как останусь здесь одна!

– Я тоже не представляю! – обняла ее подруга, и они завыли в голос.

– Кончайте это безобразие! Оксана права, ей нужно учиться себя содержать, – заявила мать и с грохотом поставила чайник на плиту. – Она вообще скоро всю краску с полов сотрет. Я подумаю, что можно сделать.

– Ты? – удивилась Ульяна.

– А по-твоему, я ничего не могу решить? – усмехнулась Анна. – Ошибаешься. У меня очень хорошие связи.

Тогда Ульяна даже предположить не могла, о каких связях говорила ее мать. Но когда для Оксаны нашлось место в процедурном кабинете и, более того, ей выделили малюсенькую квартирку, без ванной, конечно, но с санузлом, в стареньком, барачного типа домике на окраине, убедилась, что она действительно кое-что да может. Ульяна была очень рада за подругу и мечтала, что, когда поступит, тоже найдет себе подработку.

Но за те несколько жарких дней июня ее жизнь совершенно изменилась. И мечты, которыми она жила до этого, раз-

бились в прах. Но перед этим Судьба дала ей возможность узнать, что такое настоящая любовь и страсть, а это в жизни женщины имеет огромное значение. Ульяна словно проснулась, стала совершенно другой. Ей казалось, что лучше. Но плата за это короткое счастье оказалась непосильно тяжела. И расплачивалась за это счастье Ульяна каждый божий день.

...— Как же я тебя люблю... — прошептала она дочери и тут же почувствовала на своем лице печать чужого взгляда.

Варяжский стоял на входе и смотрел на нее.

— Сюда иди! — сказал он.

Рада подняла голову и посмотрела на нее.

— Я сейчас вернусь, ладно? Ешь.

Ульяна вышла из кухни. Варяжский схватил ее за руку и потащил в ванную. Сунул ей полотенце, которым она зажала рот. А затем несколько раз ударил кулаком в правый бок.

— Я отъеду на пару часов. А ты сделай так, чтобы мне все понравилось, поняла? Фильмец какой-никакой посмотри на эту тему. Будешь опять бревно изображать, пожалеешь.

Согнувшись над ванной, Ульяна кивнула.

Она столько раз проматывала в голове то, что тогда произошло, столько раз плакала в темноте над своими юношескими переживаниями, что настоящее стала воспринимать как данность. Но пора было понять, что выход из настоящего, а не воображаемого несчастья может быть только один... И если Оксана действительно сумеет ей помочь, то она уцепится за любую возможность.

Глава 6

– Мама! – закричала Рада.

Ульяна вытерла слезы и выпрямилась.

– А сейчас наша мама придет, – ответил Варяжский. – Иди пока мультики посмотри!

– Не хочу мультики!

– Я сказал, иди в свою комнату!

Ульяна вздрогнула.

Варяжский вернулся и, прищурившись, посмотрел на нее.

– Приведи себя в порядок! И жарчку закажи на завтра. Да, пирог сама испеки. Тот, с ягодами. Отец просил.

Когда он ушел, Ульяна бросилась к дочери. Девочка выглядывала из-за кухонной двери. В первую секунду Ульяне показалось, что ее личико в крови. Она ахнула и подхватила ее на руки.

– Что он сделал?.. Что...

Но потом она поняла, что ее щеки и рот были измазаны вареньем.

– Слава богу... – хрипло пробормотала она. – Давай умоемся. Ты наелась? Хочешь еще что-нибудь?

Рада покачала головой, уставившись на нее испуганными глазами.

– Мамочка, почему папа злой?

Ульяна стиснула зубы, поставила ее на пол и включила во-

ду. Как же ей хотелось сказать дочери, что этот мужчина ей вовсе не отец! И что хуже всего, она отвратительная мать, раз позволила все это время собственному ребенку считать его родным человеком.

— А хочешь погулять? — предложила она и вымученно улыбнулась. Бок болел, ссадина на скуле саднила, ожидание неминуемого насилия и новых побоев сводило с ума.

— Хочу. На саночках?

— На саночках.

— Можно я куклу возьму?

— Можно. Конечно, можно.

— Мы сейчас пойдем?

За окном было еще светло. Ульяна посмотрела на часы, прикидывая, во сколько выйти, чтобы встретиться с Оксаной. Ей было страшно. Страх расползлся по венам, отравляя и лишая уверенности в себе. Она умыла дочь, достала из холодильника кусок замороженного мяса. Приложила к ребрам и несколько раз глубоко вдохнула. Боль чуть утихла, сердце стало биться ровнее. Но разум никак не мог принять того, что спасение возможно... В самом деле, ну что могла предложить Оксана? Все это время она продолжает работать в поликлинике, пытаясь отложить денег на ремонт. Ей выделили квартиру в областном центре. Она не могла ее ни продать, ни обменять, ни сдать в наем. И чтобы переехать, нужно было довести квартиру до ума, потому что из окон дуло, сантехника была старая, а трубы текли.

Ульяна пыталась как-то помочь: отдавала Оксане свои вещи, но Варяжский узнал об этом и пригрозил, что подруга вылетит с работы по ее вине. Позволить себе потерять единственную подругу Ульяна не могла. Своих денег у нее не было, она расплачивалась картой мужа, и все транзакции он видел в личном кабинете.

То, что он накануне ударил ее по лицу, стало новой вестью в их семейной жизни. До этого он себе не позволял портить красивый "фасад". Под одеждой ее синяков и ссадин не видно, но лицо... Теперь это значило только одно: ему было наплевать на общественное мнение, а она перешла из категории "показать-похвалиться" в категорию "домашней половой тряпки". Все чаще Ульяна стала замечать в его глазах маниакальное удовольствие от истязаний. И если раньше думала, что это всплески злобы спровоцированы ее равнодушием и отстраненностью, то сейчас поняла: его руки развязаны, и плевать он хотел на ее чувства. Для него она собственность, предмет, который при желании можно разбить и выбросить. Купить новый, но... Ему незачем было искать кого-то еще для своих изощренных садистских пыток. Он четко понимал грань и не переступал ее, так что Ульяна осознавала, что длиться это будет долго. Очень долго. Пока она сама не захочет все прекратить...

Но, когда у тебя есть ребенок, твоя жизнь уже не принадлежит только тебе. Ее мать этого так и не поняла и, как бы Ульяне не хотелось сказать ей об этом, крикнуть ей в лицо

все, что она думала, она безумно скучала по ней. Потому что сама была когда-то ребенком.

Ее месть Максиму Полевому разбила ее собственное сердце, испоганило тело и едва не лишило души. Если бы она только знала тогда, что дальше будет только хуже! Но она не думала и не подозревала, в какую черную и глубокую яму попадет. Да, не ждала счастья, но и к такому несчастью не была готова.

Сейчас Ульяне хотелось только одного: скрыться, залечь на дно, чтобы никто и никогда не узнал, где она и что с ней. И как бы ни сложились обстоятельства, предавать себя она больше не могла. У нее дочь, которой она была готова посвятить всю себя без остатка. И она сделает это, чего бы ей это ни стоило.

Ульяна включила мультики и, пока Рада с интересом смотрела новую серию "Фиксиков", замесила тесто для пирога и поставила размораживать ягоды. Словно полусне она улыбалась, реагируя на смех дочери, и отвечала на ее вопросы. В кладовой она взяла бутылку со сливками и замерла перед хозяйственной полкой. Средство от крыс в серой бутылке с этикеткой стояло в дальнем углу, она сама поставила его туда еще осенью.

Вернувшись, Ульяна поставила сливки на стол и повернулась к дочери.

– Ну, что, будем собираться?

– Мамочка, смотри, как смешно! Можно я еще чуть-чуть

посмотрю?

– Конечно! Я переоденусь и приду.

В спальне Ульяна тяжело опустилась на кровать и огляделась. Затем резко встала и подошла к шкафу. Переоделась в теплый трикотажный костюм, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Ничего нового она там все равно не увидит. Свежие красные пятна и старые синяки. Правильно Варяжский сказал, ночью все кошки серы.

Ладонь мягко коснулась тонкого операционного шрама под животом. Варяжский был брезглив, и это часто спасало Ульяну от его поползновений. Часто, но не всегда. Отвратительно. А уж когда пьяный... А пил он часто и много. И когда у него ничего не получалось, он бесился. Но удары было легче вынести, чем его самого. При всем этом, если Варяжскому было что-то нужно, он добивался всего, чего хотел. И в этом тоже проявлялась его маниакальная настойчивость. Так что, как ни крути, а если его отец поставил задачу родить наследника, с живой с нее не слезут.

– Фиксик, я готова! – позвала она дочку.

– Они такая мелочь, что их почти что нет! А кто такие фиксики? Большой, большой секрет! – пропела Рада.

– Что их почти что нет... – задумчиво повторила Ульяна.

Они собрались и вышли на улицу. Ульяна вынесла с веранды санки и постелила на сидение меховой плед. Усадив дочь, она заправила свои волосы под воротник и накинула капюшон.

– Вы надолго, Ульяна Николаевна? – спросил работник. – Если хозяин спросит, что ему сказать?

Хозяин... Да, именно так...

– Мы на горку и обратно, – быстро ответила она.

– Это на какую горку?

Врать и придумывать было бессмысленно.

– На городском пляже.

– А, понятно!

За воротами Ульяна поняла, что оставила телефон в доме. Но возвращаться не стала. Они как раз пройдут мимо поликлиники. И если что, встретятся с Оксаной на набережной.

Глава 7

Ульяна сделала небольшой крюк, чтобы пройти мимо окон первого этажа поликлиники, где находился процедурный кабинет. Там горел свет, значит, Оксана была еще на работе. Ульяна присела, поправила шапочку на дочери и подтянула рукавички на ее руках. Затем повезла санки, придерживая их на склоне.

Когда они спустились к территории городского пляжа, зажглись фонари и начало быстро темнеть. Блестели вывески и гирлянды на крышах отелей и гостевых домов. Пока лежит снег, новогодняя атмосфера так и будет царить кругом, потому что нет ничего более радостного, чем ожидание праздника. Отдых – это праздник, и неважно, что для обслуживающего персонала это всего лишь работа.

Ульяна подозревала, что некоторые из гостевых домов принадлежат семье Варяжских. Видела, как он по-хозяйски разговаривает с управляющими. Много в их городе решалось с его подачи. И это еще больше убеждало ее в невозможности вырваться из лап своего мужа. О том, как сейчас живет и чем дышит Максим Полевой, она старалась не думать. Наверное, потому что боялась представить, что он счастлив и благополучен. Со временем она перестала желать ему плохого. За эти годы ненависть в ней приобрела совсем иной смысл. И даже его вина за содеянное не могла перекрыть тот

ужас перед будущим, который довлел над ней. Просто труднее всего забыть не самого человека, а мечту, которую он подарил, а ты в нее поверил...

Большая ледяная горка была похожа на муравейник. Взрослые стояли вокруг, а дети бегали туда-сюда с веселыми воплями. В стороне стояла другая горка – для малышей. Туда Ульяна и отправилась.

– Я хочу туда! – заныла Рада и попыталась развернуться. Щечки ее покраснели на морозе.

– Нет, ты еще маленькая. Смотри, там большие детки катаются, нечаянно толкнут, и ты упадешь. В другой раз, ладно?

– Ну, ладно, – согласилась девочка.

Ульяна поставила ее на ноги. Она специально не стала брать ледянку, боялась, что дочку унесет далеко. Комбинезон был хороший, теплый и крепкий. Рада понеслась к горке, где в это время было еще несколько малышей – поднимались по трем низеньким ступенькам, толклись наверху, а потом паровозиком спускались вниз.

Ульяна просунула руки в рукава и внимательно следила за дочерью.

Вот уже второе утро подряд парни из пансионата тренировались на городском пляже. Приходили они туда рано, в половину шестого и оставались до восьми. Все как на подбор плечистые, но не качки. Вода в Волге еще не нагрелась, но

глядя на то, как парни ныряют и мощно загребают руками водную гладь, хотелось тоже поплавать в волю.

Ульяна вставала рано. Здесь спалось хорошо. Свежий воздух, цветочные ароматы и звездное ночное небо дарили прекрасный здоровый сон. Она садилась на балкончике и штудировала учебники, пока мать и Оксана спали. И видела то, что происходит на пляже. Не все, конечно, лишь часть, из-за разросшихся кустов и деревьев перед домом, но взгляд ее безошибочно находил среди полуобнаженных парней именно Максима Полевого. Будто специально, хотя она смущалась и гнала от себя всякие мысли на его счет. Надо было готовиться к поступлению, а не "вот это вот все"... но "это все" вызывало у нее блуждающую улыбку и заставляло кровь двигаться быстрее.

На третий день случилось и вовсе удивительное событие. Опершись локтями на балконные перила, она, зажав уши, повторяла названия человеческих мышц, а когда открыла глаза – словно под воздействием какой-то внешней силы! – увидела на дорожке Максима, который смотрел прямо на нее. Их зрительный контакт длился всего мгновение, к нему подошли двое друзей, и они вместе зашагали в сторону пансионата. А она, покраснев до кончиков ушей, малодушно спряталась, усевшись на корточки. Сердце билось как сумасшедшее, в голове звенело, будто от солнечного удара.

– Ты что здесь делаешь? – появилась заспанная мать.

– Учю, – ответила Ульяна и поднялась.

– Делать тебе нечего, – покачала та головой. – Надо много спать, чтобы цвет лица не испортился. А ты все в книжках своих пропадаешь.

– Раньше ты говорила совсем другое. Что надо получить образование и быть независимой.

– Для независимости никогда не бывает слишком много денег, моя дорогая. А ты у меня слишком красива, чтобы самой их зарабатывать, – хмыкнула мать. – Не подставляй лицо солнцу, испортишь кожу. Да, мой день рождения отпразднуем в выходные. В "Яхт-клубе".

– Ого! А я думала, просто дома посидим. Я пирог испеку с ягодами.

– Испеки, чего же не испечь? – загадочно улыбнулась мать. – Ладно, пойду досплю.

А Ульяна, взбудораженная и взволнованная, решила отправиться на велосипедную прогулку, как и планировала, до соседней деревни. Спорт – отличная штука, чтобы привести в порядок не только тело, но и мысли.

– Уля, я тебя в шашлычной подожду, – внезапно услышала она голос Оксаны. Обернувшись, увидела, что та уже шагает дальше.

Ульяна хотела окликнуть ее, но тут ее позвала Рада.

– Мама, я хочу пить!

Девочка подбежала и обхватила ее за бедра. Раскраснелась, запыхалась, ко лбу прилипли темные полукружья куд-

ряшек.

– Да, пойдём! – Ульяна повезла санки, а дочка пошла рядом.

Выбор шашлычной как места встречи несколько озадачил Ульяну. В зимнее время там обычно никто не сидел, потому что места там было мало и в меню только пиво, чипсы и сухарики. Летом другое дело – шашлыки, вареная кукуруза. Вкуснющие пирожки готовила жена владельца, армянка Рузанна, а ее муж Давид сдавал у маленького причала лодки для прогулок. Оба они были уже в возрасте, так что в шашлычной теперь работали посменно их более молодые родственники.

Оксана ждала ее у деревянного здания.

– Пойдем внутрь? – предложила Ульяна. – Рада хочет пить.

– Стойте здесь, я сейчас куплю, – ответила подруга.

– Но...

– Я сейчас!

Она вернулась с маленькой бутылкой воды и стаканчиком чая. Дождавшись, когда девочка сделает несколько глотков, вручила ей шоколадку.

– Оксан, она же потом ужинать не будет!

– Уль, – Оксана отвела ее на несколько шагов, в темный участок, не освещенный фонарем. – Это правда, что ты собираешься ребенка Варяжскому рожать?

– О господи... – отшатнулась Ульяна. – Откуда ты...

– Людка сказала. Она же с ним, ну это... А тут, короче, иду мимо ее кабинета, а она по телефону: мол, не буду я у твоей жены беременность вести! Или ты уже?..

– Нет-нет, – покачала головой Ульяна и подняла на нее полные слез глаза. – Он мне об этом сказал, когда я вернулась. Черт... не знаю, что делать...

Оксана одернула ворот куртки и выдохнула.

– В общем, так. Я все придумала. Просто скажи, что ты согласна.

– Я согласна... – кивнула Ульяна.

– Вот и хорошо. Теперь слушай внимательно. Смотри! – Она протянула руку, указывая на покрытую белым снегом реку. – Тебе нужно перейти на другой берег.

– Что?! – воскликнула Ульяна.

Оксана прижала к ее губам ладонь в шерстяной рукавице и быстро сказала:

– Там тебя будут ждать. Мой брат, Лешка. Ты прости, что я сразу тебе не сказала. Боялась, что... ну, короче, выбора-то у тебя нет, так? То есть он есть, конечно... Ладно, не морщись. На транспорте не уедешь, заметят. А так...

– Ты понимаешь, что предлагаешь? А если...

– Лед толстый, не переживай. Я уже месяц за рыбаками наблюдаю. Повезло, что морозы в этом году крепкие. А вы с Радкой тощие.

– А вдруг нас увидят? – едва слышно спросила Ульяна.

– Не увидят. Уйдете вон там, – она махнула куда-то в сто-

рону неосвященного причала. Лешка должен подъехать с минуты на минуту. Он тебе знак даст, не потеряешься.

– Ты мне не ответила. Варяжский поймет, куда мы делись...

– Может, и поймет, – кивнула Оксана, – но не сразу. Там, где можно пройти, камер нет. И место там узкое, не то что здесь. Правда дотуда еще километр топать. Но у вас санки есть.

– Бред...

– Нет, не бред! Помнишь, на Крещение полынью делали? Она еще даже льдом не заросла. И что, никто не чухнулся!

Да, по этому поводу потом в городе криков было много. Есть еще придурки, которые по пьяной лавочке решаются соблудности традиции. Хорошо, что не утоп никто.

– Ой, Оксана... что-то мне нехорошо от твоей идеи...

– Вот, – подруга достала из кармана какой-то сверток. – Это деньги. На первое время хватит.

– Ты же на ремонт копила!

– Нормально все, не переживай. И не думай, я тебе правду говорю. Я в том месте уже два раза ходила, проверяла. Все нормально. Слава богу, весь декабрь морозы стояли.

– Когда ты успела?

– Успела, как видишь. Других дел, кроме работы, у меня нет. Ну, и тебя, конечно.

Ульяна ощутила сильное головокружение. Страх за дочь выворачивал ее наизнанку.

– Оксана, я не смогу... Вдруг...

– Так ты не одна пойдешь. Давид тебя проводит.

– Давид?

– Да. У них твой Варяжский место решил отжать. В общем, последний сезон они здесь, в центр уедут. Ну, думай скорее! Мне Лехе сказать надо, ждать тебя или нет.

Ульяна посмотрела на деньги.

– Ксю, я у тебя спросить хотела...

– Спрашивай! Только по-быстрому!

– Про кольцо...

Дверь шашлычной распахнулась, вышел Давид. Глянул на них из-под меховой шапки и кивнул.

– Все, Уль, пора! – Оксана запихнула сверток ей в карман и перекрестила. Потом присела перед Радой и обняла ее. – Мамку слушайся, поняла?

– Ага!

– Потом созвонимся! – Оксана натянула на голову Ульяны капюшон. – Ой, прости, ты что-то про кольцо говорила? Какое кольцо?

Ульяна покачала головой и обняла подругу.

– Ерунда... Потом поговорим.

– Ну, с Богом, девочки! Люблю вас! – подтолкнула ее Оксана.

Глава 8

Под ногами и полозьями скрипел снег. Шли молча, Давид впереди, а Ульяна тащила санки и таращила глаза, чтобы не потерять его из виду. Лунный свет отражался в специальных нашивках на куртке Давида, и это единственное, что помогало ориентироваться в темноте. Рада помалкивала и жевала шоколадку. Но когда они дошли до причала, спросила:

– Мама, мы будем сегодня смотреть мультики? Полежишь со мной?

Давид включил тусклый фонарь над лодочным сараем и загремел замками.

– Я не знаю, – честно ответила Ульяна. – Наверное, мультики мы посмотрим завтра, хорошо?

– А когда мы домой пойдем?

Ульяна склонилась и потрогала ее нос и щеки. Пальцы стали липкими от шоколада.

– Мы сейчас в одно место поедem, там интересно...

– В цирк? – заерзала на сидении Рада.

– И в цирк, и в зоопарк сходим. Понимаешь, туда же надо ехать, так? Вот мы с тобой и поедem!

– А я куклу забыла! Поехали домой, возьмем мою Машу!

– Маша пусть дома останется, ладно? На хозяйстве!

Рада громко рассмеялась:

– Мама, ты смешная! Маша это кукла! Она не хозяйка!

– И то верно, какая из Маши хозяйка? – в тон ей ответила Ульяна. – Хозяйка из Маши никакая! Зато у нее кудряшки как у тебя, да?

– Да!

Вышел Давид. Фонарь погас.

– Простите, а... – начала Ульяна.

– За мной идите, – буркнул он.

И они снова пошли. Городские огни остались позади.

Наконец Давид остановился, подошел к ним и сунул в руки Ульяны какую-то одежду. В потемках она никак не могла сообразить, что это.

– На себя надень и на девочку, – сказал он. – Что смотришь? Спасательные жилеты.

И тут Ульяну охватил ужас.

– Мы можем утонуть? – всхлипнула она.

Мужчина молчал и ждал, когда она негнушимися руками сделает то, что он просит.

– Это здесь оставьте. Я потом заберу.

Она поняла, что речь идет о санках. Надев на Радугу жилет поверх комбинезона, она подняла ее на руки, но Давид цыкнул на нее:

– Что ты делаешь, женщина? Пусть рядом идет.

Ульяна стиснула зубы то ли от страха, то ли от дикого холода, пробиравшего ее насквозь.

– Далеко нам еще?

Давид сделал вид, что не услышал ее вопроса, и ей не оста-

валось ничего другого, как только идти за ним. Он шел медленно, останавливался и прислушивался. Она тоже слушала, но, кроме поскрипывания снега и завывания ветра, ничего уловить не могла.

Так они и шли. Скоро Ульяна совсем потеряла счет времени. Нервные окончания притупились, важно было лишь держать дочку за руку и не отпускать ее ни в коем случае.

– Мама, я устала! Куда мы идем?

– Тише, милая... Скоро придем...

Впереди стало чуть темнее, Ульяна поняла, что они находятся где-то посреди реки. Ледяная дрожь пробежала по ее позвоночнику. Под ними глубина в пару десятков метров, если не больше. Да что говорить, она понятия не имеет, какая под ними глубина! Но то, что течение существует, что большая вода никогда не замерзает до дна, это она знала. Ее решение может стоить им жизни. Но сама ее жизнь настолько ужасна, что...

Давид остановился, затем сделал шаг назад и приказал:

– Стой!

Ульяна замерла, стараясь даже не дышать.

"Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы мы остались живы! Господи, умоляю..."

– Правее, – позвал мужчина.

Теперь они шли не прямо, а какими-то зигзагами. Поднялся ветер и принес с собой колкие мелкие снежинки. Ульяна зажмурилась, но сразу же открыла слезящиеся глаза.

Рада совсем обессилела, ныла и загребала ногами снег. До Ульяны дошло, почему нельзя было брать девочку на руки: вес в одной точке увеличится, и в случае чего, она не сможет выпустить ребенка из рук.

Ей казалось, что эта пытка никогда не закончится, они блуждали по зимней реке непонятно сколько времени, а берега все не было. Но путь назад она для себя уже отрезала. Наверное, стоило пережить весь этот ужас перед природой, сто раз умереть в своих мыслях и воскреснуть, чтобы вытравить изнутри остатки животного страха, которым заразил ее Варяжский.

– Немного еще, – сквозь ветер услышала она слова Давида и воспряла духом.

Она даже не поняла, что под ее ногами была промерзшая земля. Все вокруг было запорошено снегом. Давид повернулся, и Ульяна смогла разглядеть ледяные сосульки на его бороде и кустистых бровях.

– Дальше сами, – сказал он и протянул руку. – Туда идите!

– К-куда?.. – одними губами прошептала Ульяна.

– В Сторожево. Оксана сказала, вас там ждут. Прощайте!

– Стойте, Давид! Вы пойдете обратно?!

– Да!

Ульяна попыталась расстегнуть жилет, но мужчина отмахнулся:

– Не надо. Выбросишь по дороге.

– Нет, пожалуйста! Я с ума сойду, если с вами что-нибудь

случится!

Давид усмехнулся:

– Думаешь, если я в жилете в полынью провалюсь, меня кто-то вытащит? Не переживай. Я здесь тридцать лет живу. Я эту реку знаю и слышу. Идите с богом!

Но Ульяна упрямо стащила с себя жилет и отдала ему:

– До свидания, Давид! Берегите себя! И спасибо вам!

– Сейчас подниметесь в горку и увидите дорогу. Встаньте на обочине, вас подберут.

Ульяне взяла дочь на руки и пошла вперед. От усталости и напряжения у нее подкашивались ноги, но она упорно двигалась в нужном направлении. И обернулась лишь раз, чтобы попытаться разглядеть одинокую фигуру на белоснежном поле и далекие огни города, где осталась ее прошлая жизнь.

...В темноте вспыхнули фары. Ульяна прикрыла ладонью глаза и отступила назад. Машина подъехала и остановилась.

– Ты Ульяна?

– Да! – выдохнула она.

– Садись!

Она подошла и открыла заднюю дверь.

– У вас детского кресла нет...

– У меня и прав нет, – хмыкнул водитель. – Шучу! Садись, давай! Околели небось.

Ульяна ощутила исходящее из салона тепло вперемешку с табачным запахом и освежителем воздуха. Деваться было некуда, она уже ног не чувствовала. Посадив Радугу, она

всмотрелась в ее полужакрытые сонные глаза. Затем прижала к себе и бросила на водителя полный страха и недоверия взгляд. Хотя что могло быть хуже, ведь она уже сидела в его машине и тряслась как осиновый лист.

– Да не ссы, малая! – усмехнулся тот. – Лехой меня зовут. Ты сеструху мою пригрела, теперь моя очередь тебя греть. – Он кивнул на девочку. – Сколько ей?

– Скоро пять. В марте.

– Не стучи зубами, не обижу. Там термос в пакете.

– Спасибо...

– Ну вот. Ладно, помчали, пока метель не разыгралась!

И машина поехала.

Глава 9

Три дня спустя...

Ульяна потрогала лоб дочери.

– Как ты, солнышко? Хочешь пить?

– Я хочу спать. У меня горлышко булькает, – ответила Рада и закашляла.

– Сейчас принесу теплого молока, хорошо? Лежи!

Подоткнув одеяло, Ульяна вышла. Когда она оказалась в коридоре, открылась дверь соседней комнаты. На пороге появилась растрепанная блондинка с черными разводами от туши под глазами.

– Эй, новенькая, как тебя?! Чего она у тебя все время кашляет? Никак заснуть не могу!

– Она болеет, – растерялась Ульяна. – Мне нужно купить лекарства.

– Ну так купи! А мне выспаться надо, я всю ночь работала!

Ульяна посмотрела на ее выпирающую из разреза кружевного халатика грудь и едва сдержалась, чтобы не наругать. Она сама не выспалась, потому что всю ночь хлопали двери, лилась по трубам вода, раздавался громкий смех и разговоры. Она знала, чем занимается эта блондинка и две ее подруги, живущие в других комнатах, куда они уезжают по ночам и чем зарабатывают. Но они были у себя дома, а она пока вообще не понимала, что будет дальше.

Дом, куда их привез Алексей, стоял на окраине Костромы, в конце улицы, по обеим сторонам которой находились такие же частные владения и гаражи. В первый день, вернее, глубокой ночью, Ульяна провалилась в сон вместе с дочерью, едва дойдя до кровати, и проспала почти до вечера. Так и легла одетая, лишь скинула шубку и сапоги.

Алексей Девятков оказался высоким худощавым парнем с кучей татуировок и таким же круглым лицом, как у сестры.

– Ты это, сиди тихо, ешь, пей, – велел он. – Че надо, скажешь, привезу. Но попозже. У меня дела кой-какие, как порешаю, займемся тобой.

Ульяна не знала, что он имел в виду, но когда поняла, чем занимаются ее соседки, пришла в уныние. Девицы были громкие, наглые, пересекаться лишний раз с ними она не хотела. Два дня Алексей не появлялся, а тут Рада заболела. Надо было выйти в город, найти аптеку и купить лекарства. У них не было никакой одежды, кроме той, что на них. И хоть в доме было тепло, светло, а в холодильнике запас еды, Ульяна чувствовала себя не в своей тарелке.

В доме, кроме девушек, жила женщина – тетя Соня. Неопределенного возраста, невысокая, сутулая, худенькая, с мышинным хвостиком на затылке. Она занималась хозяйством, а в свободное время в основном сидела на кухне, раскладывая пасьянс.

– Ну как девочка? – спросила она, разглядывая карты на столе.

– Кашляет. Температуры нет. Надышалась холодного воздуха.

– Понятно, – кивнула тетя Соня и взяла в руки червового короля. – Что б тебя! – Щелкнув его по носу, она посмотрела на Ульяну. – Надолго к нам?

– Я не знаю. Надеюсь, что нет.

– Понятно, – снова повторила женщина. – И документов у тебя, значит, нет?

– Нет.

– Хм... Ну, а деньги?

Открыв холодильник, Ульяна замерла. Потом достала пакет молока.

– Я понимаю, что доставляю вам беспокойство. Бесконечно благодарна вам за заботу и... – быстро проговорила она, но ее тут же перебили.

– Слова-то какие! – приподняла брови тетя Соня. – Бесконечно благодарна... беспокойство... Ну и ну, сто лет подобного не слышала. У нас тут все по-простому. Чего застыла? Накорми ребенка, пока мои шалашовки не пришли. У них аппетит хороший, в два счета все подгребут.

Ульяна сварила кашу, спиной ощущая вьедливый взгляд из-за стола. Не прошло и десяти минут, как спустились две девушки – блондинка и рыжая.

– Чем это тут пахнет? – спросила рыжая.

– Трюфелями! – хохотнула блондинка.

– Теть Сонь, у меня платье порвалось, зашьете? – спроси-

ла рыжая.

– А у самой что, лапки? Ты же в школе училась, Тамара?

– Конечно, училась. А при чем здесь это?

– Было у вас домоводство?

– Ну, тетечка Сонечка, где домоводство и где я? У меня маникюр, – продемонстрировала она ярко-оранжевые ногти.

– Ладно, приноси, зашью.

– Ты теперь с нами будешь работать? – обратилась рыжая Тамара к Ульяне. – Учти, я клиентами делиться не собираюсь! Самой мало!

Блондинка встала у окна и щелкнула зажигалкой.

– На фига ее Лешка притащил? – фыркнула она.

– Цыц, красивые, – тихо сказала тетя Соня. – При ребенке не материтесь, имейте совесть! И от девки отстаньте. Не видите, что ли, что у нее лицо как радуга?

– Морда драная, а шуба норковая, – не унималась блондинка.

– Ой, подумаешь, – пожала плечами Тамара. – Я и не такое видела. Вот как-то раз...

Ульяна положила кашу в тарелку, взяла ложку и, не дослушав, вышла. Подробности походов рыжей ее интересовали меньше всего. Она думала о том, что у нее была крыша над головой и возможность наконец выдохнуть, но что будет с ними дальше?

В "своей" комнатухе она села на кровать и накормила Радугу. Та поела немного и снова уснула. Ульяна легла рядом

и, приобняв дочь, закрыла глаза.

В тот день она надела новое платье, которое купила мать. С открытыми плечами и широкой юбкой. Нежно-розовое в белый горох. Конечно, для велосипедной прогулки оно совершенно не подходило, но так хотелось почувствовать, как колышется подол и ветер ласкает загорелые колени!

Она сама была как ветер. Крутила педали и напевала всю дорогу. А вдоль дороги росли ромашки...

Когда позади нее раздался автомобильный сигнал, Ульяна притормозила и встала у обочины. За ней был неглубокий овраг, плавно переходящий в опушку березовой рощи.

Покрытый дорожной пылью автомобиль проехал мимо, но потом снизил скорость и задним ходом вернулся. Из пассажирского окна выглянул молодой мужик.

– Эй, красавица, до Игнатьево далеко?

– А я не знаю, – улыбнулась Ульяна. – Сама туда еду.

– А садись, подвезем, – подмигнул мужик.

– Спасибо, я сама! У меня транспортное средство есть! – похлопала она по рулю.

– Садись, потом заберешь, – ощерился он.

Улыбка сползла с Ульяниных губ. Она огляделась и попыталась развернуть велосипед в обратную сторону. Но край платья зацепился за сидение, обнажив бедро.

– Ты глянь, какая! – сказал мужик кому-то в машине. – Принцесса, мля!

Двери автомобиля хлопнули. Теперь на дороге стояли двое.

– Всего доброго, – только и успела произнести Ульяна, как незнакомцы подскочили к ней и схватили за руки.

Она стала отбиваться, все еще не веря, что это происходит с ней. Потом закричала, но тяжелая, пахнувшая табаком ладонь закрыла ей рот.

– Не рыпайся, сейчас по-быстрому оприходуем, и поедешь, куда тебе там надо!

Ульяна стала пинаться и выкручиваться из их рук, но ее уже потащили к оврагу...

Глава 10

Москва

– Максим Александрович, вас шеф вызывает! – заглянула в кабинет секретарь. – Дозвониться не может, – добавила она шепотом.

Максим прикрыл телефонный динамик ладонью и, дежурно улыбнувшись, поблагодарил:

– Спасибо! Передайте, что сейчас буду!

Дверь закрылась, он встал и подошел к окну, продолжая разговор:

– Если вам интересно наше предложение, то подумайте, на каких условиях вы готовы сотрудничать. Просьба не затягивать, наш холдинг рассматривает несколько вариантов, из которых выберет самый... – Прищурившись, Максим Полевой выслушал ответ и усмехнулся. – Да, кроме вас, мы рассматриваем и другие компании. До полуночи сообщите о вашем решении на почту. Всего доброго.

Он выключил телефон и, скрипнув зубами, прижался лбом к стеклу. Пятнадцатый этаж – люди и машины будто муравьи. И зимой совсем не пахнет, хоть кое-где и видны покрытые снегом клумбы и парковые зоны. Вырваться бы отсюда в какую-нибудь глухомань! Нет, не в Сибирь, конечно, поближе. Есть ведь и в Подмосковье не тронутые городской цивилизацией места. Чтобы хоть настоящий снег в ла-

донях поддержать. Тот, который без серого уличного налета. Или как в детстве сосулькой похрустеть.

Есть такие места... Одно из них до сих пор будоражит. И пахнет не зимой, а летом – настоящим, ромашковым...

Максим вздохнул и, поправив галстук, взял со стола кожаную папку.

– Не соединяйте ни с кем, пока я у шефа, – сказал он своему секретарю.

– Конечно, Максим Александрович! – кивнула она и снова углубилась в работу.

Максим постучал в дверь кабинета и вошел.

– Доброго дня, Николай Андреевич!

– Заходи, Максим, садись! – махнул глава строительного холдинга "МосСтройИнвест" Ветров. – Как дела? Что у нас по тендеру на "Лебяжий"? Есть проблемы?

– Нет, все в порядке. Я внес некоторые изменения в проект, но существенно это никоим образом не повлияет на общий бюджет. К тому же с вашими связями в мэрии, уверен, все пройдет без сучка.

– Связи, связи... – пробурчал Ветров. – Ну, этот вопрос я решу в любом случае. Выпьешь? – он кивнул на графин с виски.

– Нет, спасибо. Вы же знаете, я мимо, – покачал головой Максим и уселся напротив.

– Ну да, ты же у нас из бывших спортсменов, блюдешь.

– Блюду.

– А я в твои годы гулял напраполю. Оправдывал, так сказать, фамилию. Это я так, к слову. Чего такой хмурый?

– Все нормально, Николай Андреевич.

– Ну, раз нормально, значит, я спокоен. Слушай, такое дело, Максим, – Ветров встал, обошел стол и сел рядом. – Ты сколько у меня уже работаешь?

– Четыре года. Сразу после института к вам пришел.

– Недолго, – поднял вверх указательный палец Ветров, – но эффективно. Я внимательно слежу за твоими успехами и должен сказать, что даже тогда, когда увидел тебя на собеседовании практически зеленым юнцом, в тебе уже было что-то такое, что навело меня на одну мысль. Но об этом чуть позже. Понимаю, новая должность в твои годы вызывает массу пересудов и кривотолков в местных рядах...

– Николай Андреевич, если вы переживаете за мою неокрепшую психику...

Ветров рассмеялся в голос:

– Что мне в тебе нравится, Максим, так это твое серьезное лицо, даже когда ты шутишь!

– А я не шучу, Николай Андреевич. Какие уж тут шутки. Я пришел к вам работать и прекрасно осознаю, чего хочу добиться.

– Ну да, ну да... – ухмыльнулся Ветров. – И честность твоя мне тоже импонирует. Наверное, спишь и видишь себя на моем месте, а?

Максим приподнял бровь и покачал головой:

– Какой солдат не мечтает стать генералом?

– Верно. И вот что я решил, – Ветров потер ладонь о ладонь, – что если строительство "Лебяжьего" ты возьмешь на себя? Так сказать, не только грязь вывезешь, но и по итогу сливки снимешь?

Максим замер, стиснув пальцы в замок.

– Как тебе мое предложение?

– Николай Андреевич, предложение царское. Только дурак откажется.

– А ты не дурак. Ты, Макс, умный и дальновидный. Опыта много не бывает, а все предыдущие проекты – мелочь по сравнению с этим. Пора, мой друг, сделать хороший рывок и обойти всех перед финишем.

– Благодарю за доверие, Николай Андреевич. Постараюсь его не обмануть.

– Постарайся, Максим. И вот теперь вернемся к тому, с чего начали. В общем, насколько я знаю, ты у нас человек свободный, без обязательств...

Максим удивленно посмотрел на шефа.

– Да-да, я все про тебя знаю, – кивнул Ветров. – Сам понимаешь, служба охраны не просто так свой хлеб ест. И мне важно быть в курсе того, что происходит в холдинге и за его границами. Разумеется, это касается тех людей, на кого возложены задачи по его укреплению и работоспособности. Власть, мой дорогой Макс, не терпит наплевательского к себе отношения.

– Согласен.

– Так вот, мой молодой и перспективный друг, как ты смотришь на то, чтобы в выходные, в субботу, прийти к нам на семейный ужин? Ничего особенного. У нас с женой на днях годовщина, – Ветров потер переносицу, – сто лет совместной жизни.

– Сто? – растерялся Максим.

– Ну, не сто, конечно! Но иногда мне именно так и кажется. Терплю, а что делать? Я ведь не скрываю, что это все, – он обвел рукой кабинет, – благодаря тестю. Научил, старый хрыч, а где надо – вбил! Познакомил с нужными людьми. Так что ты понимаешь, что можно начать с нуля, но тогда придется потратить на это половину жизни, а то и всю жизнь. И когда жить? – Ветров покрутил вокруг пальца обручальное кольцо. – Приезжай к трем, будут только свои. Дочка возвращается из Лондона. Окончила колледж, надо ее здесь к чему-нибудь пристроить. Она, конечно, в актрисы собралась, но, думаю, пусть МГУ сначала осилит. Ты же ее не видел?

Ветров вернулся к столу и взял одну из фотографий.

– Вот она, моя ласточка, – протянул ее Максиму. – Карина. На меня похожа!

– Одно лицо, – согласился Максим.

– Девятнадцать скоро! И каждый год за пять. Характер в мать, тут уж ничего не поделаешь. Но если по уму действовать, то вся эта шелуха быстро спадет. Семья, дети... Они, знаешь, женщину в ум приводят. Ты про детей не думал,

Макс? Самый хороший возраст, точно тебе говорю! Бабы никуда не денутся, а жена – это святое! В общем, подумай на досуге, а сейчас иди, работай!

– Хорошего дня, – попрощался Максим и, пожав руку шефу, вышел.

Он шел по широким коридорам, здоровался и ловил на себе заинтересованные взгляды. Его путь к успеху оказался ошеломительно быстрым и, по мнению большинства, подозрительно гладким. Но только он сам знал, что стоит за всем этим. Он, Максим Полевой, мальчишка, едва не исключенный из университета за прогулы и наплевательское отношение к учебе, раздолбай и хулиган, которому было неважно, что о нем думают другие, однажды сделал рывок, чтобы стать кем-то, обрести цель и добиться всех благ мира. Не ради себя, а ради... Но ей это было уже не нужно.

Счастье оказалось коротким, как вспышка. Оно и понятно, времени у них было не много. И что толку теперь об этом страдать?

Дело прошлое. Все, что казалось тогда значимым, давно испарилось, словно дождевая вода на асфальте в жаркий солнечный день. Теперь это солнце светит ему прямо в глаза, протяни руку и коснешься его жаркой сердцевины.

Он добился того, чего хотел. А радости в душе как не было, так и нет.

– К черту! – выругался Максим.

Что еще нужно сделать, чтобы вытравить из души воспо-

минания о первой любви? Он представил фотографию, где рядом с шефом была его симпатичная дочь. Карина. Пусть будет Карина, какая разница?

– Почему бы и нет? – пробормотал он и закрыл за собой дверь своего кабинета.

Глава 11

Ульяна не заметила, как провалилась в беспокойный сон. Слышала чужие голоса, смех, поскрипывание старых оконных рам и в то же время чувствовала запах ромашек и сухой земли, к которой тогда прижимали ее голову. Эти двое могли бы сделать с ней все что угодно – растерзать ее тело и душу, убить и спрятать в густых зарослях. Она все еще пыталась вырваться, содрогаясь от чужих жестких пальцев и прерывистого дыхания, но силы были неравны. На какой-то краткий миг она потеряла сознание, будто выключился свет, и все вокруг померкло. Но сквозь эту темноту до нее донесся дребезжащий звук...

– Мопед, что ли? – хрипло сказал один из мужиков.

– Валим! – ткнул Ульяну в спину второй.

Она лежала, распластанная на траве, и не могла заставить себя даже пошевелиться. Ужас сковал ее по рукам и ногам, залил сургучом рот и глаза, сдавил шею своими цепкими липкими щупальцами...

Машина уехала, а шум мотора стал ближе. Ульяна наконец открыла глаза и закашлялась. Она услышала звук шагов, а затем кто-то обхватил за плечи.

– Эй, ты как? Упала?

Она судорожно дернулась и попыталась откатиться в сто-

рону. Затем подобралась и вскочила, с трудом удерживаясь на дрожащих ногах. И когда смогла разглядеть того, кто сидел перед ней, ахнула. Это был тот самый парень, Полевой!

– Я... – она обернулась на дорогу. Увидела свой велосипед и прижала руки к груди. – Да, я упала...

– Машины испугалась? – прищурился он. – Или тебя под-
резали?

Над дорогой висела серая пыль от автомобильных колес.

– Да, – отвела она глаза.

– Придурки, даже не остановились! – Он сплюнул. – Сильно ударились?

Ульяна облизала искусанные губы и вытерла лицо.

– Они... – Сглотнув, она застыла, не в силах произнести то, что должна была сказать. В груди пекло от стыда за то, что она стоит перед ним в грязном платье, растрепанная и наверняка бледная, словно смерть. Ей было невыносимо стыдно перед этим парнем за то, что с ней едва не произошло. И вместе с этим испепеляющим чувством, внутри распирало от благодарности и какого-то щенячьего счастья. – Как хорошо, что ты приехал... – прошептала она.

Он непонимающе пожал плечами и улыбнулся. Улыбка у него была такая, что губы Ульяны растянулись сами собой.

– Руки-ноги целы? – спросил он. – А голова?

– Целы.

– Меня Максим зовут, а тебя?

– Ульяна.

– Красиво, – усмехнулся он. – И платье у тебя красивое.

Он смотрел ей прямо в глаза, и от его взгляда у нее загорелись щеки. То, что произошло несколько минут назад словно отошло на второй план. Она бы никогда не могла представить, что это возможно, но все это происходило с ней прямо сейчас.

– Я хочу уехать отсюда как можно скорее, – вдруг сказала она.

– Хорошо, не переживай! – Он нахмурился. – Я провожу. Знаю, где ты живешь.

– А я знаю, где живешь ты, – ответила она.

– Тебе бы колени отмыть сначала. Хочешь, к реке спустимся?

– Хочу, – Ульяна стала отряхивать платье, но оно было безнадежно испорчено травой. И одна из пуговиц с лифа оторвалась и где-то затерялась.

– Ты можешь сесть на велосипед? – с сомнением в голосе спросил Максим.

– Нет. Пойдем пешком. Это твой мопед? – Она дотронулась до ржавого пятна на топливном баке.

– Не, взял покататься у сторожа. Он у него без дела в гараже валялся. Кое-что поправил вчера, теперь вот тест-драйв провожу. Если тренер узнает, голову оторвет.

– А он узнает?

– Надеюсь, что нет.

Максим поднял велосипед с земли, и Ульяна ухватилась

за руль. Ее ладони и коленки были сплошь в красных пупырьках от крапивы.

— Я видела тропинку, когда проезжала мимо. А у нас они все к воде идут. Не хочу по этой дороге...

— Как скажешь!

Они пошли обратно и через десяток метров оказались у начала тропы.

Со стороны города слышался автомобильный шум. Ульяна вздрогнула и стала быстро спускаться вниз. Запищали комары, воздух моментально окрасился пылью. Максим последовал за ней. Оказавшись в высоких зарослях чертополоха и василистника, она обернулась и попыталась разглядеть движущуюся по дороге машину, но тут же наткнулась на взгляд Максима и даже сумела рассмотреть небольшой шрамик под его левой бровью.

— У тебя точно все хорошо? Уверена?

Ульяна замялась, но потом довольно бодро ответила:

— Конечно!

— Мне кажется, ты что-то не договариваешь.

— Тебе кажется. Но я правда очень рада, что ты приехал...

— Как чувствовал, да? — Он отвел стебли между ними и снял с ее волос паутинку.

...Если бы можно было все вернуть назад, она бы ничего не поменяла. И как бы страшно это ни звучало, в тот момент она поверила в Судьбу. А обо всем рассказала только Оксана.

- Господи, Ульяна, ты в своем уме?! – выпучила та глаза.
- Ты хоть их лица запомнила?
- Никогда раньше не видела... Наверное, залетные какие-то.
- Залетные?! Ты где слов таких нахваталась?
- У тебя же и нахваталась. Ты так про всех туристов говоришь. Будто мы сами здесь всю жизнь живем.
- Ну, так-то да... Но знаешь, страшно мне теперь одной ходить.
- А ты не ходи там, где нормальных людей нет. Вот я сделала ошибку и... – Ульяна вздохнула, но тут же зажмурилась.
- Но если бы не пошла, я бы никогда вот так с Максимом не встретилась! Он такой... такой!.. Я даже объяснить тебе не могу!
- Он такой, он сякой! – всплеснула руками Оксана. – Тебя дурочку чуть не изнасиловали! Это ж... блин, ужас!
- Ужас, – не стала спорить Ульяна. – Но еще ужаснее, если бы об этом узнали. Они ведь ничего не успели сделать. А люди скажут, что сделали! И не докажешь! Стыда потом не оберешься...
- Им в тюрьме место, ты это понимаешь? – разозлилась Оксана. – Там им самое место!
- Ульяна опустила голову.
- Только маме ничего не говори, ладно? – попросила она.
- Дурная... – ахнула Оксана. – Вот уж не ожидала от тебя... А если бы Максим не приехал, тогда что?!

– Если бы Максим приехал на пару минут раньше, он бы избил их до полусмерти!

– Уль, их же двое было. Сама подумай!

– А он сильный, точно тебе говорю! Он мопед поднял, когда мы через ручей переходили, потом вернулся и меня перенес. И велосипед еще!

– Иван Поддубный, куда деваться! – хмыкнула Оксана. – И чем же вы там занимались у реки?

– Разговаривали.

– О чем?

– Обо всем... Не спрашивай, Ксю, у меня все как в тумане!

– Это у тебя от потрясения. Психического и головного мозга.

– Ну и пусть! У меня внутри аж дрожит все! – Ульяна приложила ладонь к солнечному сплетению. – И будто бабочки порхают!

– Улька, да ведь это любовь! Точно тебе говорю! – закатила глаза Оксана.

– Ты-то откуда знаешь? – Обняла подругу Ульяна.

– Ты светишься вся. Кому сказать, не поверят! Ее чуть не...

– Хватит! Не хочу об этом больше говорить!

– Но если ты их увидишь, то узнаешь? Узнаешь ведь?

– Узнаю...

...Когда за окном стемнело, Ульяна услышала тихий свист. Она вылезла из постели и подошла к окну. Внизу стоял Мак-

сим.

– А я из пансионата удрал, – широко улыбнулся он. – Вот, это тебе! Давай брошу?

В его руках была охапка сирени.

– Подожди, я сейчас! – прошептала она и на цыпочках вышла из комнаты.

Дочка заворочалась, мазнула по ее лицу горячей ладонью. Ульяна открыла глаза и прислушалась к разговору на улице. Затем поднялась и подошла к окну. У невысокого забора стояла патрульная машина. Ульяна вздрогнула и спряталась за занавеской. Приподнявшись на носочках, она выглянула наружу. У калитки стояла Тамара и, жеманничая, строила глазки мужику в полицейской форме.

Некоторое время Ульяна наблюдала за тем, как тот пощипывает девушку то за бок, то за бедро, и, убедившись, что беседа сводится лишь к обоюдному и вполне понятному интересу, немного успокоилась. Конечно, она понимала, что Тамара может сболтнуть о новой жиличке с ребенком, но надеялась, что это не так.

Когда машина уехала, она спустилась вниз. Тамара, наоборот, поднялась, обдав ее табачным запахом. И тут, словно черт из табакерки, через заднюю дверь вошел брат Оксаны. Он бросил в угол туго набитый туристический рюкзак и криво осклабился щербатым ртом:

– Вечер в хату!

Тетя Соня отвлеклась от шитья и спросила:

– Все нормально у тебя?

– С пивком потянет. Пожрать есть чего?

– Есть. Ульяна, накрой на стол, мне закончить надо, – тетя

Соня натянула на кулак ткань платья и придирчиво осмотрела шов.

Ульяна схватила тарелку, потом ложку, заметалась, не зная, с чего начать.

– Я сам, – отмахнулся Алексей и, отломив кусок хлеба, достал из шкафа поллитровку. – Садись, говорить будем.

Ульяна поставила посуду на стол и села на самый краешек стула. Тетя Соня глянула на них поверх очков, откусила нитку, повесила платье на спинку и открыла холодильник.

– Сало будешь? – спросила у Алексея. – Картошка есть.

– Все буду, Сонечка! Выпьешь? – кивнул он Ульяне.

– Нет.

– Тогда дело не сложится. Надо бы его промочить сначала.

– Простите, Алексей, но нет. У меня дочка болеет. Мне бы лекарства.

– Я схожу. – Тетя Соня зажгла конфорку и поставила сковороду с картошкой. – Какие взять-то? Я в этом ни хрена не смыслю.

– Я напишу!

Ульяна заметила на подоконнике огрызок черного косметического карандаша, но бумаги не оказалось. Тогда тетя Соня оторвала листок дешевого календаря и сунула ей.

– Печатными пиши, чтоб я ничего не перепутала.

Когда дверь за ней захлопнулась, Ульяна повернулась к Алексею.

– Вы что-то придумали?

– Не я. – Он потянулся, хрустнул суставами и смотрел в сторону лестницы. – Томка.

Глава 12

– Она знает? – Ульяна задержала дыхание и побледнела.

Пока они ехали в машине, Алексей несколько раз сказал ей, чтобы она лишний раз помалкивала, кто бы о чем ее ни спросил. Она так и делала все то время, пока находилась в этом доме. Хорошо, что не в доме терпимости, иначе и часа бы здесь не осталась. Впрочем, легко сказать, куда труднее сделать. На вокзале с маленьким ребенком не отсидишься...

– Картошка сгорит, – сказал Алексей и налил себе еще стопку.

Ульяна вернулась к плите и стала помешивать. Напряжение внутри нее росло и стало похоже на электрический заряд, который вот-вот ударит током. Рассусоливать некогда, нужно подняться к дочери и проверить, как там она. Ульяна покосилась на Алексея, который аккуратно нарезал большой, завернутый в марлю кусок сала перочинным ножом прямо на столе.

– Вон же доска, – не удержалась она.

– Че? – отвлекся он. – А... шут с ней. Короче, дело к ночи. Ты это самое, многого от меня не жди. Я тебе выбраться помог? Помог. У меня ведь тоже жизнь не сахар. Сама посуди: недавно откинулся, отмечаюсь теперь в местной ментовке. Мне лишние проблемы не с руки.

– А как же... – Ульяна выключила газ и достала тарелку.

– Так давай! Чего посуду зря пачкать? – остановил ее мужчина.

Она не стала спорить. Мысли ее закрутились как колесо на старой, полуразвалившейся мельнице: тяжело и со скрипом.

– Ты не думай, Томка – девка умная. Точно тебе говорю. Поумнее многих будет. Даже в институте училась, – Алексей гыкнул и снова наполнил стопку. – Ну, чему ее в тех институтах учили, я не в курсах. А вот про, как это бывает, что спрятаться надо, это она знает.

– Откуда?

– Оттуда, – отмахнулся Алексей. – Мы тебе справку сделаем. О потере паспорта. Ну, чтобы, мало ли, сама понимаешь. Оно, конечно, вид у тебя ниче так, если бы не фингал. Но как-то ведь надо устраиваться?

– Надо, – согласилась Ульяна, стараясь не потерять ниточку разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.